

НЕКОТОРЫЕ РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ И РАЗВИТИЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Проводится анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации о конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса РФ. Данная проблема рассматривается в контексте развития права личности на судебную защиту.

Ключевые слова: право; личность; судебная защита.

В новейшей истории России сложилось так, что конституционные изменения и новшества зачастую опережали должные соответствовать им изменения в отраслевом законодательстве. Особенно ярко это проявилось в практике разрешения дел о соответствии Конституции норм и положений уголовно-процессуального законодательства. Это наблюдалось в деятельности Суда как по приведению в соответствие с Конституцией норм прежнего УПК РСФСР 1960 г., так и ныне действующего УПК РФ, принятого в декабре 2001 г. и введенного в действие с 1 июля 2002 г.

С сожалением приходится констатировать, что между принятием нынедействующей Конституции РФ (12 декабря 1993 г.) и введением в действие должного соответствовать ей УПК РФ (1 июля 2002 г.) прошло почти 8 лет. И это при наличии в стране постоянно действующего парламента.

С 1 июля 2002 г., таким образом, вступил в действие долгожданный новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), и в Конституционный Суд уже в 2003 г. стали поступать запросы разного уровня судов и жалобы граждан относительно проверки его положений на предмет соответствия Конституции Российской Федерации.

Одним из первых в этом ряду явилось дело о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан от 8 декабря 2003 г. В этом деле были объединены запросы Вологодского и Курганского областных судов, Курганского и Подольского городских судов и Советского районного суда г. Челябинска, а также жалобы 9 граждан относительно указанных статей и глав УПК РФ. Поскольку все запросы судов и жалобы граждан касались одного и того же предмета, Суд соединил их в одно производство.

Основными вопросами рассматриваемого дела являлись следующие: о возможности возвращения судом первой инстанции уголовного дела прокурору в случае выявления допущенных по делу нарушений уголовно-процессуального закона; о возможности обжалования в кассационном порядке постановления судьи о приостановлении производства по делу, вынесенного по итогам предварительного слушания; об обязательности вынесения судом решения о прекращении уголовного дела или об осуждении подсудимого за менее тяжкое преступление в случае отказа государственного обвинителя от обвинения или его изменения в сторону смягчения и не допускающие пересмотра такого решения в вышестоящем суде.

В многостраничной мотивировочной части рассматриваемого постановления Конституционный Суд

весьма обстоятельно проанализировал основания и доводы обратившихся к нему судов и граждан, подтвердил высокое положение и определяющую роль именно суда как органа правосудия по разрешению всех вопросов, возникающих при рассмотрении уголовных дел, права участников процесса и в особенности право обвиняемого и потерпевшего на судебную защиту и вынес свои решения, признав ряд положений обжалованных статей УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации.

В ряде определений, вынесенных в 2003 г., Конституционный Суд продолжил рассмотрение по жалобам граждан разного рода судебных ситуаций по конкретным уголовным делам, в которых суды общей юрисдикции принимали решения, нарушающие конституционные права граждан, в частности право на получение квалифицированной юридической помощи, или ущемляющие права адвокатов (защитников) на ознакомление со всеми материалами дел в целях обжалования неправомерных действий органов следствия.

Так, Суд вынес определение по жалобе гражданина Г.В. Цицкишвили на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК Российской Федерации от 6 марта 2003 г., согласно которому защитник подозреваемого, обвиняемого не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые ему стали известны в связи с участием в производстве по уголовному делу. В рассматриваемом деле адвокату гр-на Г.В. Цицкишвили было отказано в удовлетворении его ходатайства о допросе его самого в качестве свидетеля для подтверждения факта фальсификации следователем материалов уголовного дела. Конституционный Суд истолковал положение пункта 2 части третьей статьи 56 УПК РФ как не исключающей право адвоката быть допрошенным в качестве свидетеля по делу, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Разумеется, адвокат при этом утрачивал статус адвоката (защитника) и становился лишь свидетелем.

Конституционный Суд при этом решил, что суд общей юрисдикции не вправе отказать в даче свидетельских показаний защитникам обвиняемого и подозреваемого при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, ибо противное приводило бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажало бы само существо данного права.

В деле от 12 мая 2003 г. по жалобе гражданина С.В. Ковалёва рассматривалась другая ситуация, связанная с применением положений ст. 47 и 53 УПК РФ, а именно о праве обвиняемого и его защитника знако-

миться со всеми материалами уголовного дела по окончании расследования. В данном деле защитнику было отказано в ознакомлении с документами, которые подтверждали законность и обоснованность применения к обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу.

Выявив конституционно-правовой смысл п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК Российской Федерации, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что анализируемые положения норм процессуального закона не препятствуют обвиняемым, права и свободы которых затрагиваются судебными решениями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, и их защитникам в ознакомлении с материалами, на основании которых принимаются эти решения.

В определении по жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений УПК Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 5 декабря 2003 г. рассматривался вопрос о том, кто – только адвокат или иное лицо – может быть представителем потерпевшего в уголовном деле и истца в гражданском деле. Конституционный Суд еще раз проанализировал ст. 48 (ч. 1) Конституции РФ и пришел к выводу о том, что поскольку названная статья Конституции не уточняет, кем именно должна быть обеспечена квалифицированная юридическая помощь нуждающемуся в ней гражданину, это положение нельзя трактовать как обязанность пользоваться помощью только адвоката. Поэтому представителем потерпевшего и гражданского истца могут быть иные – помимо адвокатов – лица, в том числе близкие родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший или гражданский истец.

По сути, в плане углубления и расширения права обвиняемого и его защитника на судебную защиту можно рассматривать и определение по жалобе граждан Б.А. Березовского, Ю.А. Дубова и А.Ш. Патаркацишвили на нарушение их конституционных прав положениями ст. 47, 53, 162 и 195 УПК Российской Федерации от 18 декабря 2003 г. Защитникам указанных граждан при ознакомлении с постановлением следователя о назначении судебной финансово-экономической экспертизы было отказано в удовлетворении ходатайства о предоставлении данных о наличии у эксперта соответствующей аттестации в целях выяснения его компетентности, с тем чтобы заявить аргументированный отвод эксперту по причине его некомпетентности.

Кроме того, заявителями оспаривалась конституционность ч. 8 ст. 162 УПК РФ, не допускающей ознакомление обвиняемого и его защитника с текстом постановления следователя о продлении срока предварительного следствия с тем, чтобы составить мотивированную жалобу на его решение. Опираясь на ряд вынесенных ранее Конституционным Судом решений по подобным правовым ситуациям, Суд и в данном случае пришел к выводу о том, что положения заявленных статей процессуального закона по их конституционному

смыслу не препятствуют обвиняемым и их защитникам в ознакомлении с соответствующими решениями по делу и о предоставлении им данных об обстоятельствах, значимых для обжалования этих решений. При этом Суд отметил, что выявленный конституционно-правовой смысл рассматриваемых положений является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

2004 г. оказался наиболее «урожайным» по количеству дел, рассмотренных Конституционным Судом в отношении норм нового УПК РФ. Это можно объяснить тем, что к этому времени уже многие граждане и другие субъекты, имеющие право обращения в Конституционный Суд, непосредственно столкнулись с практикой применения норм нового УПК РФ, и, по их мнению, при этом были допущены нарушения их конституционных прав. В течение 2004 г. были приняты по вопросам уголовно-процессуального права одно постановление и 41 определение из числа так называемых «отказных с положительным решением». Часть из них заслуживают быть отмеченными.

29 июня 2004 г. было оглашено постановление по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы, т.е. самих законодателей, которые и принимали настоящий Кодекс.

Депутаты протестовали против приоритета Уголовно-процессуального кодекса РФ перед другими федеральными законами, полагая, что при этом нарушается иерархия нормативных актов разного уровня; в разделении функций обвинения, защиты и разрешения дела они усматривали возможность уклонения соответствующих государственных органов и их должностных лиц от выполнения конституционной обязанности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина; в неудовлетворении судом ходатайств защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если таковое не заявлялось ранее в ходе предварительного расследования, усматривалось ограничение возможности доказывания невиновности обвиняемого; их беспокоила возможность избрания в отношении члена Совета Федерации или депутата Госдумы домашнего ареста в качестве меры пресечения без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания, а также оспаривались другие положения УПК РФ.

По всем рассматриваемым вопросам, кроме одного, Конституционный Суд признал положения УПК РФ не противоречащими Конституции.

Не соответствующим же Конституции было признано положение ч. 4 ст. 234 УПК РФ об отказе в удовлетворении ходатайства защиты о допросе в судебном разбирательстве свидетеля, могущего дать показания, подтверждающие алиби подсудимого, если таковое ходатайство не было заявлено на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Отказ в удовлетворении подобного ходатайства был признан нарушающим право обвиняемого на судебную защиту и потому не соответствующим Конституции РФ.

В определении по жалобе гражданки В.О. Ивкиной на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 45 и ст. 405 УПК Российской Федерации от 5 февраля

2004 г. было выявлено, что ей как потерпевшей и гражданскому истцу по уголовному делу было отказано в допуске в качестве ее защитника субъекта, не являющегося адвокатом. При исследовании положения ч. 1 ст. 45 УПК РФ, которым мотивировался отказ Ивкиной в ее ходатайстве, Конституционный Суд истолковал это как ограничение права потерпевшего и гражданского истца свободно выбирать способ защиты, а также как ущемление права на доступ к правосудию, гарантированный ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Суд решил, что «представителем потерпевшего и гражданского истца могут быть адвокаты и иные лица, в том числе близкие родственники, о допуске которых ходатайствует потерпевший или гражданский истец».

Интересным, с точки зрения дальнейшего развития теории конституционного судопроизводства, в частности, внесения большей ясности в вопросы, связанные с возможностью обращения в Конституционный Суд судов общей и арбитражной юрисдикции, можно назвать определение об отказе в принятии к рассмотрению запроса Центрального районного суда г. Челябинска о проверке конституционности ч. 2 ст. 238 УПК Российской Федерации от 5 февраля 2004 г.

Центральный районный суд г. Челябинска приостановил находившееся на его рассмотрении дело и направил запрос в Конституционный Суд РФ ввиду неконституционности, по его мнению, положений, содержащихся в части второй статьи 238 УПК РФ. Не касаясь тонкостей самой этой нормы УПК РФ, обратим внимание на разъяснения Конституционного Суда, содержащиеся в анализируемом определении относительно правильности соблюдения условий и мотивировки обращения суда общей юрисдикции в Конституционный Суд Российской Федерации. Конституционный Суд еще раз разъяснил свою правовую позицию относительно возможности судов общей юрисдикции разрешить то или иное дело на основе применения им непосредственно норм Конституции Российской Федерации и еще раз на основе конституционного принципа самостоятельности органов судебной власти (статья 10 Конституции РФ) подтвердил возможность суда любого уровня не применять то или иное положение федерального закона, в частности Уголовно-процессуального кодекса РФ, если суд, рассматривая конкретное дело, придет к выводу о неконституционности положения той или иной нормы федерального закона и напрямую применит сами конституционные нормы в данном деле. Но при этом суд общей юрисдикции должен выполнить некоторые условия.

Так, по мнению Конституционного Суда, суд общей юрисдикции, исходя из презумпции конституционности действующих законодательных норм, во-первых, «не вправе произвольно, немотивированно отказаться от применения» их в конкретном деле, а «обязан дать им оценку и, придя к выводу об их несоответствии Конституции Российской Федерации, привести в решении правовые аргументы в доказательство своей позиции».

Второе условие: суд общей юрисдикции, «принимая решение на основе норм Конституции РФ, обязан обратиться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации с целью признания положений федерального закона не соответствующими Конституции и

лишения их юридической силы». Эти свои решения суд общей юрисдикции должен выразить в соответствующем процессуальном документе, принятом судом в установленной законом форме.

Поскольку эти условия не были соблюдены и отражены в запросе Центрального районного суда г. Челябинска, он и не был принят к производству в Конституционном Суде РФ.

В течение 2005 г. Конституционным Судом был принят ряд определений по различным вопросам, регулируемым нормами УПК РФ. Отдельные из них представляют определенный интерес и потому отмечаются в настоящем обзоре. Так, в Определении от 18 января 2005 г. № 26-0 по жалобе гр-на С.Ю. Коновалова на нарушение его конституционных прав отмечалось, что хотя часть пятая статьи 108 УПК РФ предусматривает в случае объявления обвиняемого в международный розыск принятие судебного решения об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого и его защитника (С.Ю. Коновалов был объявлен в международный розыск), а статья 210 УПК РФ не устанавливает обязанности дознавателя, следователя, прокурора и суда уведомить обвиняемого и его защитника о вынесении подобного постановления и не предусматривает вынесения специального процессуального решения по этому поводу, право на судебную защиту, гарантируемое статьей 46 (часть первая) Конституции РФ каждому, не допускает возможности ограничения при этом других прав участника судопроизводства, в частности права на получение помощи защитника при рассмотрении судом вопросов относительно обвиняемого. Поэтому ни часть пятая статьи 108, ни статьи 172 и 210 УПК Российской Федерации не предполагают право суда первой инстанции рассматривать вопрос о применении к подозреваемому (обвиняемому), объявленному в международный розыск, меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие в судебном заседании его защитника и без предоставления защитнику возможности высказать свою позицию по данному вопросу.

Приведенное определение Суда, как и изложенная в нем правовая позиция, еще раз демонстрируют весьма широкий подход Суда к трактовке права на судебную защиту и распространение его действия на любого субъекта – участника уголовного судопроизводства, поскольку право на судебную защиту принадлежит каждому и не может быть ограничено, если даже этот «каждый» оказался в положении того или иного участника уголовного судопроизводства.

Практика применения норм нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации порождает проблемные ситуации не только по вопросам реализации отдельных конституционных прав и свобод личности, уточнения и расширения прав и законных интересов тех или иных участников уголовного судопроизводства, но и других граждан, «посторонних» по отношению к непосредственным участникам уголовно-процессуальных отношений, но чьи права и законные интересы также могли пострадать, в частности, при производстве отдельных следственных действий.

Подобная ситуация была предметом рассмотрения в Определении Конституционного Суда от 8 ноября

2005 г. №439-О по поводу проведенного по постановлению следователя обыска в офисе адвокатов, после чего С.В. Бородин, В.Н. Буробин, А.В. Быковский и другие обратились в Суд с жалобой на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 УПК РФ, поскольку в их офисе был произведен обыск по постановлению следователя.

Конституционный Суд исследовал правовой режим адвокатской тайны, призванной защищать информацию, полученную адвокатом относительно клиента или других лиц, которая подлежит защите в силу конституционных положений, гарантирующих неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), и вытекающую из этого обязанность государства обеспечить ее в законодательстве и правоприменении. Законодательное же регулирование адвокатской тайны и режима ее сохранения осуществлено в специальном Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», где указывается (пункт 3 статьи 8), что проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска в отношении адвокатов, допускается только по специальному судебному решению. Именно такой вывод и получил подтверждение в рассматриваемом определении.

Еще более показательным можно считать Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. по жалобам гр-н П.А. Астахова, С.Д. Замошкина, В.К. Карцевой и Ю.А. Костанова на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 УПК РФ. Данное дело знаменательно тем, что оно расширило понимание права на судебную защиту и восстановление в правах. Все обратившиеся в Суд заявители являлись адвокатами (защитниками), и все они столкнулись с тем, что их ходатайства и жалобы, подаваемые в органы следствия, прокуратуру и суды, безмотивно отклонялись, т.е. бесосновательно были проигнорированы или отвергнуты. Конституционный Суд, проанализировав оспариваемые нормативные положения УПК РФ, свои прежние правовые позиции и международно-правовые акты по этому вопросу, пришел к

выводу о том, что одной из важных гарантий конституционного права на судебную защиту и восстановление в правах является право обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, в том числе судов, чем предопределяется предоставление заинтересованным лицам возможности исправления судебных ошибок. Отклонение жалоб возможно только после рассмотрения и опровержения доводов, выдвигаемых стороной защиты, не опровергнутые же доводы против обвинительных судебных решений могут толковаться только в пользу обвиняемого, заключил Конституционный Суд.

Обязанность судов по мотивировке судебных решений обусловлена также взаимосвязанными конституционными принципами состязательности, равноправия сторон в судопроизводстве и презумпции невиновности. Гражданин имеет право не только подать в государственные органы власти и местное самоуправление обращение, но и право получить на это обращение адекватный ответ как равноправный субъект в своих отношениях с государством. Ответ органа власти или должностного лица должен содержать «указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности» основания, по которым эти доводы отвергаются.

После такого решения Конституционного Суда РФ положение адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве еще более окрепло, а доводы и аргументы их жалоб и ходатайств стали более весомыми и значимыми.

Проведенный анализ решений Конституционного Суда РФ по вопросам уголовного судопроизводства и в особенности относительно права личности на судебную защиту ярко свидетельствует о том, что Суд последовательно и неуклонно проводит твердую линию защиты, углубления понимания и обеспечения прав человека и гражданина в уголовном процессе на всех его стадиях и по разным направлениям как в отношении отдельных институтов процессуального права, так и тех или иных следственных и судебных действий. При этом неизменно утверждается главенствующее положение суда как органа правосудия.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2012 г.